

Соколов Арсений Владимирович

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И "ЗАЩИТА РЕЛИГИОЗНОГО ЧУВСТВА ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ" (ФЕВРАЛЬ-ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА)

Статья посвящена мероприятиям Временного правительства (февраль-октябрь 1917 года) по защите религиозного чувства православного населения от хулы в печати и во время проведения "массовых зрелищ" (театральных представлений, в кино и т.д.). Царское правительство охраняло господствующую Церковь административными (полицейскими) методами, но после Февральской революции их признали неприемлемыми. Тема статьи ещё не была предметом самостоятельного исследования. Вводятся в научный оборот ранее неизвестные документы из Государственного архива Российской Федерации (г. Москва).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/11-2/42.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 11 (25): в 2-х ч. Ч. II. С. 174-177. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

STATE AND LAW AS IDEOLOGICAL FORMS IN M. A. REISNER'S DOCTRINE

Ol'ga Alekseevna Skibina

Department of State and Law Theory and History
Belgorod University of Consumer Cooperation, Economics and Law
OlgaSkibina1@yandex.ru

The author discusses the views of the soviet lawyer, political scientist, philosopher M. A. Reisner (1868-1928) on state and law, tells that the scientist is the developer of ideological state-legal conception, which considers state and law as ideological categories, with particular attention to the question of national ideology, and mentions that today the name of M. A. Reisner is undeservedly forgotten, and his ideas and projects have not found adequate attention on the part of scientific community so far.

Key words and phrases: M. A. Reisner; state and law as ideological forms; state-legal ideology; elements of state; national ideology and national idea.

УДК 94(47).083.76

Исторические науки и археология

Статья посвящена мероприятиям Временного правительства (февраль-октябрь 1917 года) по защите религиозного чувства православного населения от хулы в печати и во время проведения «массовых зрелищ» (театральных представлений, в кино и т.д.). Царское правительство охраняло господствующую Церковь административными (полицейскими) методами, но после Февральской революции их признали неприемлемыми. Тема статьи ещё не была предметом самостоятельного исследования. Вводятся в научный оборот ранее неизвестные документы из Государственного архива Российской Федерации (г. Москва).

Ключевые слова и фразы: Временное правительство; Русская Православная Церковь; Святейший Синод; Владимир Николаевич Львов; Александр Фёдорович Керенский.

Арсений Владимирович Соколов, к. ист. н.

Кафедра русской истории

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
arsikus@mail.ru*

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И «ЗАЩИТА РЕЛИГИОЗНОГО ЧУВСТВА ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ» (ФЕВРАЛЬ–ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА)[©]

До революции 1917 года Православная Российская Церковь являлась господствующей в Империи, это положение было прямо закреплено законом [16]. Всякое выступление против православия рассматривалось как тяжкое государственное преступление. Власти преследовали за «отпадение» от этой веры как за уголовно наказуемое деяние и требовали неукоснительного отправления религиозного культа. В «Уставе о предупреждении и пресечении преступлений» указывалось, что «губернаторы, местная полиция и вообще все места и лица, имеющие начальство по части гражданской или военной, обязаны всеми зависящими от них средствами предупреждать и пресекать всякие действия, клонящиеся к нарушению должного уважения к вере» [15, с. 1].

После Февральской революции ситуация изменилась. Уже первая декларация Временного правительства от 3 марта 1917 года напрямую затрагивала существовавшие до этого привилегии «господствующей веры». Так, в «Программе народного кабинета» значилось: «1. Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным. 2. Свобода слова, печати, союзов, собраний... 3. Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений...» и т.д. [12, с. 1]. 4 марта военный министр А. И. Гучков предложил отменить национальные, вероисповедные, сословные и политические ограничения при производстве нижних чинов в офицеры. Ему поручили составить соответствующий законопроект [5, с. 29]. 10 марта Временное правительство утвердило выпущенное Министерством торговли и промышленности постановление «О немедленном облегчении образования акционерных обществ и устранении из их уставов национальных и вероисповедных ограничений» [Там же, с. 68]. Вслед за этим, 20 марта, из Министерства внутренних дел (управлявшего по царской конституции всеми церквями и религиозными обществами, кроме православия) вышел закон «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» [Там же, с. 142-146]. Подчеркивая, что «в свободной стране все граждане должны быть равны перед законом», этим постановлением Временное правительство упразднило все ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности [14, с. 46]. В частности, теперь все (не только христианские) священники освобождались от воинской повинности и обязательства давать присягу в суде; отменялся запрет на усыновление лиц христианских исповеданий нехристианами и наоборот; лицам римско-католического духовенства разрешалось касаться в своих устных поучениях вопросов политики и т.д. [3, с. 20]. Все эти инициативы в области свободы совести не могли не повлечь за собой

и изменение отношения к охране православной веры: в документах Временного правительства это стало именоваться защитой религиозного чувства православного населения России.

По данной теме до сих пор нет специальных работ. Кроме того, среди исследователей, рассматривавших вообще взаимоотношения Временного правительства и Церкви, нет единого мнения даже о взглядах представителей правящей элиты Февраля–Октября на место религии в государстве. Советские авторы в силу существовавших в то время идеологических установок говорили о полном идейном союзе Временного правительства и Церкви [4, с. 62–63; 6, с. 16; 7, с. 27; 10, с. 65–76; 11, с. 84]. С 1990-х гг. получила хождение другая точка зрения, особенно популярная среди церковных историков. Согласно ей, Временное правительство не только не защищало веру, но чуть ли не напрямую покровительствовало всевозможным антирелигиозным агитаторам [8; 18, с. 167; 19]. Конечно, обе позиции представляют собой крайности и имеют мало что общего с действительностью. Более того, тема защиты Временным правительством «религиозного чувства» православных граждан, в том числе в сфере печати и «массовых зрелищах», обнаруживает немало параллелей с сегодняшним днём, с вопросом взаимоотношений государства и Православной Церкви в нынешней России.

Конечно же, ни о какой духовной цензуре светских печатных изданий и массовых мероприятий после Февральской революции уже не могло быть и речи. 27 апреля Временное правительство приняло ряд постановлений о печати и массовых зрелищах, упраздняющих возможность контроля над ними со стороны церковных органов («О печати», «Об учреждениях по делам печати» и «О надзоре за публичными зрелищами»). Законом закреплялось, что любое преследование по всем связанным с этими областями делам могло производиться только по постановлению судебных властей на основании подаваемых исков [5, с. 358–362].

Согласно первым двум постановлениям печать и торговля печатными изданиями объявлялись свободными, и всякая цензура над ними со стороны государственных органов отменялась [Там же]. Первый же прецедент в этой связи произошел в середине мая, когда несколько периодических изданий развернули настоящую антирелигиозную агитацию. Журнал «Пулемет» поместил на своих страницах карикатуру «Христос в участке», а «Бич» выпустил специальный номер (№ 18 за 1917 год), высмеивающий разврат и продажность служителей Церкви, а также их верность идеалам самодержавия. Журналы подвергли критике и христианское Таинство Евхаристии, что вызвало возмущение как у духовенства, так и у верующих мирян. 16 мая 1917 г. обер-прокурор Святейшего Синода В. Н. Львов направил председателю Временного правительства письмо, в котором, изложив суть дела и добавив, что и в кинематографах стали показывать картины, возбуждающие «ропот» православного населения, заявил, что необходимо принять «самые энергичные меры» по недопущению антицерковных выступлений в печати и во время массовых представлений. Последние, по мнению Львова, «служат лишь к дискредитированию нового строя и способствуют нарастанию настроений, играющих на руку контрреволюционным замыслам, так как необразованная толпа склонна отождествлять ненаказуемость таковых инцидентов с направлением политики Временного правительства» [1, д. 608, л. 4 – 4 об.]. На заседании Синода 26 мая В. Н. Львов сообщил архиереям, что он докладывал Временному правительству о желательности ограничить в печати такие высказывания. По словам обер-прокурора, министр внутренних дел и министр юстиции заявили, что «они примут со своей стороны меры к недопущению впредь подобных явлений» [9, с. 76]. Однако Львов поспешил объяснить членам Синода, что решение правительства вовсе не означает начало гонений на всех говорящих о Церкви что-либо плохое. «Возбуждение уголовного преследования журнала или газеты за глумление над православной верой и церковью возможно только по инициативе частного лица», то есть всякий человек, возмущенный той или другой выходкой журнала или газеты, может подать заявление или мировому судье, или прокурору о том, что он чувствует оскорбительной для своего религиозного чувства ту или другую статью или карикатуру [Там же].

До революции Церковь также осуществляла цензуру за театрами и кинотеатрами. Показательно, что 23 февраля 1917 г., в день начала массовых демонстраций в столице, приведших к свержению монархии, Синод принял определение, протестующее против разрешения Министерством внутренних дел показа фильмов патриотического содержания на первой и четвертой седмице Великого поста, поскольку, по мнению иерархов, кино является своего рода формой общественных забав [13, д. 2831, л. 236 - 236 об.]. Согласно постановлению Временного правительства от 27 апреля 1917 г. «О надзоре за публичными зрелищами», упразднялась лишь предварительная драматическая цензура, в то время как на самом представлении (спектакле, кинематографическом сеансе) должен был присутствовать представитель местного правительственного комиссара или тех учреждений, которые его заменяют. При этом постановление обязывало организаторов массовых зрелищ заранее представлять краткое изложение их содержания, а также минимум за сутки передавать экземпляр афиши. Если действие вызвало нарушение общественного порядка, присутствующие на нем представители власти имели право приостановить его и даже с разрешения мирового судьи запретить его повтор. Однако для возбуждения преследования по делам, связанным с публичными зрелищами, также требовалось постановление судебных властей [5, с. 362].

13 июня 1917 г. обер-прокурор Синода В. Н. Львов передал председателю правительства Г. Е. Львову запрос петроградского общественного градоначальника о предварительной цензуре музыкальных концертов. В соответствии с циркуляром Департамента полиции от 29 сентября 1915 г., в духовных публичных концертах запрещалось смешение светской и духовной музыки, а также не допускалось исполнение употребляемых в православном богослужении песнопений и молитв. Для этого программы духовных концертов рассматривались заранее епархиальными властями. Вопрос общественного градоначальника заключался в том, изменилась ли данная процедура после революции или нет. От себя В. Н. Львов добавил, что эти старые статьи закона желательно сохранить [1, д. 608, л. 17 – 17 об.]. 20 июля товарищ министра внутренних дел князь Г. Н. Сидамон-Эристов ответил обер-прокурору, что статьи о несмешении светской и духовной музыки и запрете публичного исполнения

фрагментов богослужения остаются в силе, так как они не противоречат постановлениям правительства от 27 апреля. Однако при этом практику предварительной цензуры епархиальных властей необходимо прекратить, а все жалобы на возможно допущенное «глумление» рассматриваются в судебном порядке [Там же, л. 28 об.].

Вместе с тем полностью устраняться и совершенно оставлять Церковь без поддержки правительство также не хотело. 13 июня товарищ министра внутренних дел князь С. Д. Урусов, направив письмо обер-прокурора В. Н. Львова от 16 мая министру юстиции П. Н. Переверзеву, просил его «указать лицам прокурорского надзора на необходимость самой решительной борьбы с совершаемыми путём печати и публичных представлений преступлениями» с целью ограждения «религиозного чувства православного люда» [Там же, л. 6 – 6 об.]. Того же 13 июня С. Д. Урусов сообщил о своём обращении обер-прокурору, добавив также, что он разослал губернским, областным и городским комиссарам циркуляры, требуя «иметь самый строгий надзор за демонстрируемыми в кинематографических заведениях картинами» [Там же, л. 5 – 5 об.].

В своем циркуляре от 17 июня премьер-министр Г. Е. Львов сообщил комиссарам правительства на местах, что, по его сведениям, в некоторых кинематографах стали демонстрировать фильмы, представляющие собой «явное глумление не только над духовенством, но даже над религиею и возбуждающие справедливое негодование православного населения». Председатель правительства просил из соображений необходимости ограждения «религиозного чувства народа от наносимых ему подобными картинами оскорблений» установить «неослабный надзор» за публичными зрелищами и обо всех нарушениях тут же сообщать прокурорским чинам «для привлечения виновных к ответственности в законном порядке» [Там же, л. 7]. 22 июля 1917 г. Министерство внутренних дел направило губернским, областным и городским комиссарам циркулярное распоряжение «о точном и неукоснительном исполнении» на местах требований той части постановлений от 27 апреля, в которой говорилось о необходимости передавать местным властям или в Книжную палату по 2 экземпляра любого «предназначенного к публичному исполнению или изображению произведения», а также – за 24 часа до начала представления – экземпляры афиш [2, д. 258, л. 1-5].

Впрочем, постановления от 27 апреля и порядок действий по ним толковались на местах по-разному. Например, 19 августа Керчь-Еникальский губернский комиссар прислал в Министерство внутренних дел копию афиши фильма «Святой чёрт», демонстрировавшегося (или готовящегося к демонстрации) в кинотеатре «Уголок». Комиссар заявил, что, по его мнению, такое название «не может быть допущено, как возбуждающее справедливое негодование православного населения», которое уже сорвало часть афиш. Комиссар отдал распоряжение о заклейте на оставшихся экземплярах слова «святой» и доложил в МВД, что не смог привлечь к ответственности автора картины, так как это – кинематографическая прокатная контора А. Д. Савва, находящаяся в Москве. Владельца кинотеатра «привлекать не стал» [1, д. 608, л. 42]. Интересно отметить, что и судебные органы также оказались в данном случае не задействованы. Тем не менее, 7 сентября Главное управление по делам милиции обратилось к Московскому городскому комиссару с запросом относительно выпуска конторой А. Д. Савва указанной киноленты [Там же, л. 45]. Также стоит добавить, что речь, по-видимому, шла об экранизации одноимённой популярной брошюры о Г. Е. Распутине, изданной «на потребу дня» после Февральского переворота [17].

10 августа управляющий Нижегородской епархией епископ Балахнинский Лаврентий (Князев) отправил министру-председателю А. Ф. Керенскому письмо, в котором сообщил о просьбе епархиального собрания духовенства и мирян об «ограждении нравственности народной от развращения» ввиду предстоящей постановки «безнравственной пьесы Каменского» [1, д. 608, л. 46]. Видимо, имелся в виду драматург А. П. Каменский (1876-1941 гг.), автор романа «Люди» (1910 г.) и других произведений, в которых бросался вызов «отжившим своё» быту и морали мещанского общества и содержался призыв к «освобождению» (прежде всего, от сексуальных запретов). 19 сентября начальник Главного управления по делам милиции С. А. Балавинский отослал Нижегородскому губернскому комиссару распоряжение «иметь бдительное наблюдение за постановкой означенной пьесы Каменского и при наличии в ней признаков уголовно-наказуемого деяния принять соответствующие меры согласно... закону» [Там же, л. 48 - 48 об.].

Происходившие в стране события неизбежно поставили ребром и вопрос о существовании внутренней церковной цензуры, которую также нередко считали пережитком старого строя. Так, в мае 1917 года ИК Московского совета рабочих и солдатских депутатов обратился к обер-прокурору В. Н. Львову с телеграммой о том, что «Московский духовно-церковный комитет, как учреждение не только бесполезное, а даже прямо вредное, должен быть тотчас же упразднён». Обер-прокурор незамедлительно связался с управляющим епархией епископом Иоасафом (Каллистовым), который телеграфировал, что «упразднить Московский цензурный комитет, помещение передать канцелярии Всероссийского съезда духовенства и мирян нет препятствий». 25 мая в Синоде обсуждали сложившуюся ситуацию, и мнения иерархов разделились [9, с. 75-76]. Впрочем, в последующем решение вопроса о будущем внутренней церковной цензуры оставили на усмотрение самой Православной Церкви.

Итак, можно заключить, что Временное правительство сочувствовало необходимости охраны православной веры, однако считало необходимым отказаться от чисто административных или полицейских методов. Предлагалась совершенно иная – правовая – концепция, подразумевающая задействование судебных органов при защите религиозной совести граждан. Конечно, сразу вступить в широкое применение новая система не могла, необходимы были годы воспитания соответствующей правовой культуры. За весь 1917 год не известно ни одного случая, когда бы люди действительно обращались в суд из-за поруганной веры. Гораздо привычнее представлялись жалобы властям и начальству, да и для самих правительственных комиссаров административные меры вмешательства оказывались проще. Кроме того, оставалось множество вопросов, прежде всего о том, какими именно законами будет руководствоваться суд при рассмотрении исков, связанных с религиозными взглядами.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1791. Оп. 2.
2. ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 3.
3. Декрет о гражданском равенстве. Постановление Временного правительства об отмене вероисповедных ограничений от 20 марта 1917 г. Пг., 1917. 32 с.
4. Емелях Л. И. Крестьяне и Церковь накануне Октября. Л., 1976. 182 с.
5. Журналы заседаний Временного правительства: март-октябрь 1917 года: в 4-х т. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. Т. 1. Март-апрель 1917 г. 448 с.
6. Кандидов Б. П. Религиозные организации и антирелигиозное движение в эпоху подготовки великой пролетарской революции // Антирелигиозник. 1937. № 9. С. 13-23.
7. Кострюков А. А. Военное духовенство и развал армии в 1917 году // Церковь и время. 2005. № 2 (31). С. 142-198.
8. Крывелев И. А. Русская Православная Церковь в первой четверти XX века. М., 1982. 64 с.
9. Любимов Н. А., протопресвитер. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (25 апреля – 12 июня 1917 г.) // Российская Церковь в годы революции (1917–1918 гг.): сб. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995. С. 15-120.
10. Осипова Е. С. Церковь и Временное правительство // Вопросы истории. 1964. № 6. С. 65-76.
11. Персиц М. М. Отделение Церкви от государства и школы от Церкви в СССР. М., 1958. 198 с.
12. Программа «Народного кабинета». СПб., 1917. 1 с.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 209.
14. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Петроград, 1917. Вып. 1. 27 февраля - 5 мая 1917 г. 698 с.
15. Свод законов Российской империи. СПб., 1896. Т. XI. Ч. I. Ст. 1.
16. Свод законов Российской империи. СПб., 1906. Т. I. Ч. I. Ст. 62.
17. Святой чорт. [Г. Распутин]. М., 1917. 8 с.
18. Цыпин В., протоиерей. История Русской Православной Церкви. 1917–1990 гг.: учебник для православных духовных семинарий. М.: Изд. дом «Хронин», 1994. 251 с.
19. Цыпин В., протоиерей. Русская Церковь 1917–1925 гг. М.: Издание Сретенского монастыря, 1996. 335 с.

**PROVISIONAL GOVERNMENT AND “PROTECTION OF RELIGIOUS FEELING
OF ORTHODOX POPULATION” (FEBRUARY-OCTOBER 1917)**

Arsenii Vladimirovich Sokolov, Ph. D. in History
Department of Russian History
Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen
arsikus@mail.ru

The author considers the Provisional Government actions (February-October 1917) on the protection of the religious feeling of Orthodox population from reviling in the press and during “mass entertainments” (theatrical performances, in cinema, etc.), tells that the tsarist government protected the ruling Church with administrative (police) methods, but after the February Revolution they were recognized unacceptable, mentions that the topic of the article has not yet been the object of an independent research, and introduces previously unknown documents from the State Archive of the Russian Federation (Moscow) into scientific circulation.

Key words and phrases: Provisional Government; Russian Orthodox Church; Holy Synod; Vladimir Nikolaevich L’vov; Aleksandr Fedorovich Kerenskii.

УДК 93

Исторические науки и археология

Статья посвящена рассмотрению условий и особенностей процесса формирования интеллигенции на Северном Кавказе в первое десятилетие советской государственности. На основе данных центральных и региональных архивов анализируются первые шаги высшей школы в регионе, специфика комплектации студенческого состава в национальных областях, роль рабочих факультетов в подготовке национальной интеллигенции. Представлены сложности реализации государственной политики по ускоренной подготовке социально «надежной» интеллигенции из рабочих и крестьян в условиях полинационального региона.

Ключевые слова и фразы: интеллигенция; Северный Кавказ; полинациональный регион; реформирование образования; вузы; рабфаки; студенчество.

Елена Николаевна Стрекалова, к.и.н., доцент
Кафедра истории России
Ставропольский государственный университет
strecalova-lena@yandex.ru

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В 20-Е ГГ. XX В.®**

Исторические параллели решения «национального вопроса» в период образования СССР, создание которого проходило 90 лет назад, с современностью актуализируют необходимость взвешенного изучения